

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертационной работе А. Б. Старостиной «Мигрирующие сюжеты в китайской прозе VII–XIII веков», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.4 - Фольклористика.

Рецензируемая диссертация является итоговым трудом многолетних и плодотворных исследований А. Б. Старостиной в области китайского фольклора на материале китайской книжной прозы-сяошо 小說 («сюжетной прозы» или, в более адекватной, на мой взгляд, дефиниции «совокупность беллетристических жанров»), в ходе которых ею последовательно разрабатывалась авторская концепция эволюции тематики, сюжетного богатства и образной системы *сяошо* под влиянием не только внутренних литературных факторов, свойственных данному виду китайской прозы, но и универсальных закономерностей фольклорного творчества.

Следует отдельно пояснить факт правомерности использования произведений, относимых к прозе-сяошо, в качестве материала для проведения фольклористических изыскания, так как в самой диссертации этот вопрос практически не обсуждается по причине, вероятнее всего, его внятной освещенности в уже опубликованных отечественных исследованиях¹. Есть весомые основания принимать за данность версию происхождения *сяошо*, зафиксированную в трактате «И вэнь чжи» 藝文志 (название, переводимое по-разному, означает «Конфуцианские каноны и книжная словесность»), входящем (глава 30) в знаменитое официальное историографическое сочинение «Хань шу» 漢書 («Книга [об эпохе / империи Ранняя] Хань») Бань Гу 班固 (32—92). Трактат базируется на каталоге императорской библиотеки, составленном в конце эпохи Ранней (Западная) Хань (206 г. до н. э. — 9 г. н. э.), то есть отражает представления о *сяошо*, утвердившиеся уже в конце I в. до н. э. Отмечено возникновение в указанную эпоху «школы *сяошо*» (*сяошо цзя* 小說家), которая складывалась из разговоров на улицах, пересудов в переулках, оформилось из слышанного в пути и рассказанного по дороге (выделено мною – М. К.), и приведены названия 15 сборников. Общепринята точка зрения, что эти сборники послужили моделью для последующей традиции *сяошо*, во всех её стадийных жанровых и тематических разновидностях, включая *чжигуай-сяошо* 志怪小說 («рассказы о чудесах») и новеллу-

¹ Из новейших публикаций: Алимов И. А. Сад удивительного: Краткая история китайской прозы сяошо I–VI вв. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2014. С. 20–41; монография включена в «Список литературы» (С).

чуаньци 傳奇. Что априори подразумевает обращение их авторов (составителей соответствующих сборников) к фольклору. Действительно, имеются многочисленные свидетельства того, что литераторы всех последующих исторических эпох, начиная с эпохи Лючао 六朝 («Шести династий / государств», III—VI вв.) и включая Тан 唐 (618—907) и Сун 宋 (960—1279), при сочинительстве собственных произведений и составлении сборников использовали записи либо лично услышанных ими «уличных разговоров и пересудов» (во время поездок по стране — типичный для представителей китайской образованной элиты род занятий, вызванный их служебными обязанностями или персональным стремлением к расширению своих знаний), либо устных пересказов лицами, принадлежавшими к тому же социальному кругу. Конечно, определить степень авторского компонента в завершённом произведении (переложение, литературная обработка, вариация на тему) в подавляющем большинстве случаев исключительно трудно, а то и невозможно (о чем неоднократно предупреждает А. Б. Старостина). Тем не менее очевидно, что проза-сяошо обладала генетическими и нерасторжимыми связями с местным народным творчеством, охватывающим, в свою очередь, все типы прозаического фольклора (предания, сказания, легенды, сказки и т. д.), часть которых, вне всякого сомнения, восходят к древним мифологическим сюжетам. Сказанное подтверждает, во-первых, полное соответствие темы и содержания рецензируемого диссертационного сочинения научной специальности 5.9.4 - Фольклористика. Во-вторых, правомерность утверждения А. Б. Старостиной, что изучение прозы-сяошо «не только даёт возможность реконструировать с разной степенью надёжности историю становления того или иного сюжета внутри китайской традиции, но и во многих случаях позволяет пролить свет на особенности формирования целого международного сюжетного типа» (Диссертация, с. 7; Автореферат, с. 3). И, шире, убеждает в состоятельности авторской концепции эволюции прозы-сяошо и авторской методологии, в которой уже имеющиеся типологии фольклора использованы для опознания, анализа и реконструкции возможного генезиса и эволюционных особенностей ядерных сюжетов сяошо. Такова, повторю, **концептуальная составляющая** рецензируемой диссертации. Её академическая новизна намного превосходит, на мой взгляд, пункты новизны, сформулированные автором: «впервые рассмотрены в компаративистском ключе средневековые китайские нарративы, относящиеся к нескольким сюжетным типам», «доказано, что самая ранняя известная на сегодняшний день письменная фиксация нескольких инокультурных по происхождению сюжетов произошла именно в Китае» и «введены в научный оборот не изучавшиеся ранее фольклористами в Китае и за его пределами произведения китайской средневековой сюжетной прозы» (Диссертация, с. 4;

Автореферат, с. 17-18). Осмелюсь утверждать, что А. Б. Старостина впервые для отечественной (да и зарубежной) синологической филологии предприняла столь масштабный опыт изысканий в области фольклора и прозаической литературы Китая в аспекте фундаментальной для всей современной гуманитарии проблемы принципов и механизмов кросс-культурного взаимодействия народов мира. Соответственно, академическая актуальность темы диссертационного исследования обусловлена насущной необходимостью понимания этих принципов и механизмов в их исторической ретроспективе для осмысления современных процессов глобализации и роста этнокультурной самоидентификации. В свете сказанного особо значимым видится наблюдение (включено в список «положений, выносимых на защиту», №8): «Адаптация инокультурных сюжетов в средневековой прозе *сяошо* происходит с помощью «перекодировки» безэквивалентных реалий в китайские: сон Спящей красавицы становится одной из разновидностей даосской практики прохождения через смерть для обретения долголетия...» (Диссертация, с. 27; Автореферат, с. 20). Оно как раз и раскрывает конкретные пути чужеземных заимствований и их адаптации к местной культуре. Творчески развивая компаративистские метод и исследовательские подходы, уже сложившиеся в отечественных и зарубежных фольклористике и литературоведении (такое междисциплинарное исследование тоже является объективной необходимостью), А. Б. Старостина разработала во многих отношениях пионерский метод анализа источников, совмещающий сравнительно-исторический и структурный подходы (подробное изложение: Диссертация, сс. 19—23) и успешно апробировала его на материале прозы *чжигуай* и новелл *чуаньци* VIII—XIII вв. Этот метод может быть использован с определёнными модификациями не только для более поздних авторских текстов, принадлежащих к данным жанрам, но и для других литературно-фольклорных традиций Китая, равно как и аналогичных традиций других регионов мира. В этом заключается **теоретический вклад** А. Б. Старостиной в современную фольклористику.

К положительным сторонам рецензируемой диссертации относятся, во-первых, безупречность её композиционного построения, проистекающая из продуманности и четкости формулировки заявленных цели и задач исследования. Все задачи решены с исчерпывающей полнотой и в необходимой логической последовательности: содержание шести глав, образующих основной корпус диссертации (от их развернутой характеристики намеренно воздержусь, так как А. Б. Старостина безупречно это сделала в «Автореферате»: сс. 22—37). Промежуточные (в конце каждой главы) и заключительные (сс. 204—207) выводы, заявленные цель и задачи, а также положения, выносимые на защиту, строго

соответствуют одно другому. Все высказанные автором наблюдения общего и частного порядка надежно аргументированы.

Во-вторых, впечатляет широта познаний А. Б. Старостиной в историко-культурных реалиях (включая, естественно, фольклор и литературное наследие) не только Китая, но и подавляющего большинства регионов мира: Средиземноморской и Европейской, Индийской, Ближневосточной цивилизаций, и тоже начиная с древних времен. Например, по ходу относительно короткого по пространности повествования анализа истоков сюжета о рукотворных летающих птицах (глава 1, сс. 35—36), автор обращается к десятку сочинений, созданных на протяжении приблизительно с IV в. до н. э. по VI в. н. э., а при анализе буддийских повествований на сходную тему (о деревянных птицах, сс. 45—47) ещё к пяти источникам. Причем, что хотелось бы особо подчеркнуть, за тщательностью предварительной проработки китайских нарративов скрывается высочайший уровень владения А. Б. Старостиной китайским книжным языком (*вэньянь* 文言) различных исторических эпох и присущим разным типам сочинений — от относительно простых по языку произведений *сяошо* до сложнейших во всех отношениях официальных историографических сочинений (*чжэньши* 正史, «образцовые / династийные истории»), что по силам единичным профессиональным китаеведам. Степень репрезентативности выбранных для анализа материалов обусловлена репрезентативностью коллекций фрагментов *сяошо*, представленных в энциклопедических сводах (*лэйшу* 類書) «Тайпин гуан цзи» 太平廣記 («Обширные записи [годов] Тайпин») и «Тайпин юй лань» 太平御覽 («Высочайше просмотренная [энциклопедия годов] Тайпин»), составленных и изданных в конце X. В них воспроизведен (через цитирование произведений) весь массив предшествующей прозы-*сяошо*. Приведенные извлечения служат надежным ориентиром в её содержательном и тематическом богатстве, позволяя распознать и наиболее существенные и (или) иллюстративные для исследования произведения. Для выявления дополнительных смысловых и эволюционных нюансов исследуемого сюжета А. Б. Старостина неизменно обращается к целостным текстам произведения (ещё одно несомненное достоинство её исследования), но таких произведений сохранилось очень мало.

В-третьих, налицо эрудированность А. Б. Старостиной в области соответствующих исследований. В Список литературы внесены (не считая источников, их переводов на русский и европейские языки и работ автора) 187 публикаций (сс. 218—238), из них 107 на европейских (английский, французский, немецкий) 30 на китайском и японском языках.

Итак, диссертация А. Б. Старостиной вне всяких сомнений представляет собой подлинно самостоятельное и законченное научное исследование, в котором содержится решение задач, имеющих очевидное теоретическое и практическое значение для отечественной фольклористики и филологии в целом. К его первоочередным **академическим достижениям** относится разработка методологии анализа прозы-сяошо в аспекте выявления фольклорных сюжетов, которая может быть продуктивно использована применительно к типологически сходным книжным источникам других стран Зарубежного Востока, а также Запада, включая Россию. Представленные в диссертации авторские наблюдения и фактические сведения могут быть эффективно использованы при разработке академических проектов по изучению китайского и мирового фольклора (включая современное народное творчество) и соответствующих лекционных курсов в рамках всех ВУЗов гуманитарного профиля, в чем заключается её **практическая значимость**.

Автореферат адекватно отражает структуру работы, ход исследования, широту использованных материалов, прочность доказательной базы, а также наиболее важные наблюдения и основные выводы. Статейные публикации (в общей сложности 17) в журналах, рекомендованных ВАК и МОиНРФ (в том числе 9 — в журналах, индексирующихся в базе Scopus), соответствуют общей тематике диссертации и отражают те или иные аспекты и результаты суммированных в ней авторских изысканий. Основные положения диссертационного исследования прошли надежную апробацию в докладах, прочитанных на международных и всероссийских конференциях.

Принципиальных замечаний, которые бы позволили усомниться в академической состоятельности рецензируемой диссертации, у меня нет. Высказанные далее соображения имеют, скорее, пожелательней, чем собственно критический характер.

Основным содержательным изъяном видится скудность характеристик общего историко-культурного контекста и его отдельных составляющих. Так, повышенное внимание литераторов эпох Тан и Сун к инокультурным реалиям и нарративам было не каким-то окказиональным явлением, а находилось в русле магистральных процессов кросс-культурного взаимодействия ханьцев с «внешним миром» (начался, по меньшей мере, с функционирования Великого Шелкового пути, во второй половине эпохи Ранняя Хань) и формирования мультикультурализма: контаминация собственно китайских традиций с традициями исходно кочевых народностей, длившаяся на протяжении III—VI вв. и вступившая в финальную стадию в эпоху Тан. Тогда же апогея достигли и связи с «внешним миром» — вновь по маршруту Великого Шелкового пути, а с VIII в. и благодаря морскому пути, ведущему из Багдада к юго-восточному побережью Китая.

Несколько примеров излишней скупости сведений об отдельных фактах, которые нередко затемняют смысл сказанного автором и даже ведут к историческим неточностям.

Говоря о начальных этапах истории письменной фиксации фольклора в Китае, автор совершенно справедливо ссылается на записи песен-юэфу 樂府, отмечая, что «ранние (неавторские) песни юэфу, если и редактировались, во многом всё равно сохраняли первоначальный облик» (с. 15). Но не поясняется, что такое «ранние песни-юэфу». Между тем официальная (специальными чиновниками) практика записей песенного фольклора установилась тоже при Ранней Хань, и очевидные параллели между ней и возникновением «школы сяошо» дополнительно доказывают типичность интереса представителей интеллектуально-творческой элиты имперского Китая к народному творчеству.

Для меня лично осталась загадочной фраза (с. 15), что «с III–IV вв. историки обратили внимание на устные рассказы об удивительных событиях, и на полях официальной историографии возник новый жанр сюжетной прозы, впоследствии получивший название чжигуай сяошо». Во-первых, рассказы об удивительных событиях привлекали внимание книжников еще во второй половине эпохи Чжоу 周 (XI–III вв. до н. э.). Установлено, что впервые термин чжигуай был использован в главе 1 знаменитого древнего даосского сочинения «Чжуан-цзы» 莊子 («Учитель Чжуан», упомянуто в тексте диссертации на с. 38, но тоже без каких-либо пояснений): «В “Книге Ци се”» рассказывается об удивительных вещах» (Пер. А. И. Алимова). Во-вторых, почему с III–IV вв. внимание на эти устные рассказы обратили именно историки (а не литераторы)? В-третьих, как жанр беллетризованной прозы мог возникнуть на полях официальной историографии, если под последней принято понимать названные выше «династийные истории»?

Позволю себе также высказать несколько уточнений и предположений (с ними А. Б. Старостина вправе не согласиться), касающихся реконструкций и интерпретаций отдельных сюжетов.

К анализу истоков магических и религиозных практик, эксплуатировавших деревянные модели птиц (из Главы 1 «Крылья принца»).

Вопреки авторскому утверждению (повторяющему, нельзя не признать, широко распространенное заблуждение), что «уже в “Дальнем странствии” (“Юань ю” 遠游) из “Чуских строф” (“Чу цы” 楚辭), говорится о полёте на чудесных птицах луань 鸞 и фэн 鳳 (сс. 54–55), в поэме «Юань ю», равно как и в других произведениях из коллекции чуских строф (произведений, репрезентирующих поэтическую традицию, возникшую в региональном царстве Чу эпохи Чжоу), мотив странствования верхом на чудесных птицах отсутствует. Литературные герои, включая божественных персонажей, странствуют по

небесам исключительно на волшебных колесницах, запряженных чудесными животными (в первую очередь драконами) и в окружении тоже божественных свитских. Непосредственно в «Юань ю» фениксы (*фэнхуан* 鳳皇) сопровождают колесницу: Строка 119. «Царственные фениксы по бокам [от колесницы] несут [мои] знамена» (鳳凰翼其承旗兮). Феникс-луань упоминается в поэме два раза: в качестве посланника к богине — строка 150. «Поспешил отправить феникса-луань встретить Таинственную госпожу» (騰告鸞鳥迎宓妃); и чудесных танцующих птиц (образ, популярный для древних мифологических представлений) — строка 158. «Фениксы-луань торжественно взмывают и в вышине парят» (鸞鳥軒翥而翔飛). Попутно замечу, что приведенные факты подтверждают правоту наблюдения А. Б. Старостиной относительно появления образа бессмертного, передвигающегося верхом на птице, при Хань и его утверждения в даосской мифологии III—VI вв. Однако, предположение о его связи с шаманскими практиками тунгусо-маньчжурских народов (С. 55) видится сомнительным. Более вероятно, что он проистекает либо из представлений о *сянях* как «крылатых божествах» (*юй сянь* 羽仙), либо из протодаосских практик (прослеживаются с второй половины эпохи Чжоу), предполагавших достижение человеком такой степени «телесной легкости», что он мог обретать способности к левитации, а также взмывать в небеса и (или) путешествовать на атмосферных явлениях (туман, облако, радуга и т. д.). Тем не менее, итоговый вывод автора, что «в данной сюжетной группе синтезировались представления о небесных бессмертных, летающих верхом на птицах (часто — на журавлях), и пришедших из Индии преданий о пилотируемых деревянных птицах (Автореферат, с. 24), видится полностью обоснованным.

К сюжету «странствования на луну» (из Главы 2. «Спящая красавица»).

Нельзя не согласиться с авторскими утверждениями, что «путешествие же императора не только в страну бессмертных, но именно на небо и на самую луну, при этом наяву, для китайской традиции беспрецедентно. Кроме того, если речь идет о китайской литературной традиции, то Сюань-цзун, по-видимому, вообще оказывается первым смертным, ступившим на луну» (С. 81); и что «...с путешествием на луну непосредственный источник в китайской традиции найти затруднительно» (с. 82). Тем не менее, хотелось бы обратить внимание А. Б. Старостиной на сюжет вознесения на Луну богини Чан Э. В ранне-ханьском сочинении «Хуайнань-цзы» 淮南子 (глава 6) он воспроизведен в такой формулировке: «И вот И испросил у Сиванму снадобье бессмертия, Хэн Э (вариант имени Чан Э) украла [его] и бежала на Луну» (譬若羿請不死之藥於西王母, 姮娥竊以奔月). Примечательно, что в тексте употреблен иероглиф *бэнь* 奔, словарные значения которого «бежать, мчаться, торопиться», а также «сбегать от (в т. ч. от мужа) и

сбегать из (в т. ч. из дома)», а не *шэн* 升 («возноситься»), обычно прилагаемый к вознесению тех же *сяней*.

Ошибочна и точка зрения, что мотив проводника странника по небесным сферам является новым для китайской традиции (с. 82). Образ «проводника» достаточно настойчиво присутствует в тех же чуских строфах, например, строка 96 «Юань ю»: «Повелел [богу ветра] Фэн-луну послужить [мне] проводником» (召豐隆使先導兮).

К анализу рассказа «Жена секретаря налогового ведомства» (из главы 5 «Колдуньи»).

Вновь соглашаясь с итоговым выводом автора, что этот рассказ был связан с позднейшими западноевропейскими верованиями в ночные праздники ведьм (с. 165), отмечу упущение особенностей образа главной героини, а именно, что на «ночной шабаш» на метле ездит её служанка, тогда как сама она — верхом на коне. «В первую стражу жена стала наряжаться и велела служанке седлать коня. Затем вышла и села на коня; служанка отправилась вслед за ней верхом на метле» (пер. А. Б. Старостиной, Приложение, сс. 273—274). Не исключено, что здесь нашел отражение танский обычай верховой езды аристократок, зафиксированный в синхронной живописи: картина Чжан Сюаня 張萱 (VIII в.) «Прогулка весной знатных дам из владения Го» («Го го фу-жэнь ю чунь ту» 虢國夫人遊春圖, 52 x 148 см., шелк, краски. Ляонинский провинциальный музей, г. Шэньян, пров. Ляонин). Однако древнейшими художественными изображениями «всадницы» являются две парные глиняные скульптурки (выс. 21,6, 19,8 см), найденные (1996 г.) среди погребальной пластики некрополя (9 гробниц), открытого в окрестностях совр. г. Чэнду (пров. Сычуань) и относящегося к концу Ранней Хань и к началу I в. н. э. Они воспроизводят полуобнаженных женщин, скачущих на лошадях. Три аналогичные фигуры (одна в центре, две по бокам) введены в художественное оформление там же обнаруженного светильника (выс. 54 см). При всей уникальности и семантической загадочности этих артефактов, они позволяют предполагать бытование в культуре Китая образа «всадницы», причем, в коннотациях с религиозными представлениями и практиками.

Высказанные замечания ни в коем случае не умаляют перечисленные достоинства и достижения рецензируемой работы. Диссертация Старостиной Аглаи Борисовны на тему «Мигрирующие сюжеты в китайское прозе VII–XIII веков», отвечает всем необходимым требованиям, предъявляемым к диссертационным сочинениям данного класса, ее содержание соответствует специальности 5.9.4 - Фольклористика, и пунктам 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» утвержденного Постановлением

Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 года № 842. Автор работы заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.4 - Фольклористика.

Официальный оппонент:

Кравцова Марина Евгеньевна

доктор филологических наук

(по специальности 10.01.06. –

Литература народов Азии и Африки),

Профессор, независимый исследователь

E-mail kravtsova_sin@mail.ru

Против включения персональных данных, заключенных в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

Кравцова Марина Евгеньевна

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Двадцать первого ноября две тысячи двадцать пятого года

Я, Асанова Любовь Сергеевна, нотариус нотариального округа Санкт-Петербург, свидетельствую подлинность подписи Кравцовой Марины Евгеньевны, 19 июня 1953 года рождения, место рождения: гор. Ленинград, гражданство: Российская Федерация, пол: женский, страховой номер индивидуального лицевого счета (СНИЛС): 014-269-466-43, паспорт № 40 04 542595, выданный 21 отделом милиции Калининского района Санкт-Петербурга 29 августа 2003 года, код подразделения 782-021, зарегистрированной по месту жительства по адресу: Санкт-Петербург, улица Замшина, дом 31, корпус 3, квартира 201.

Подпись сделана в моем присутствии. Личность подписавшего документ установлена.

Зарегистрировано в реестре: № 78/650-н/78-2025-6-173.

Уплачено за совершение нотариального действия: 1300 руб. 00 коп.

Л.С.Асанова

Л.С.Асанова

Компьютерная система "Экспресс"

Итого в настоящем документе

5 11290 / лист 06

Л.С. Асанова

[Handwritten signature]

Председателю
диссертационного совета 24.1.080.01
по филологическим наукам,
созданного на базе Института мировой
литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук,
В.Л. Кляусу
от М. Е. Кравцовой

О согласии выступить
официальным оппонентом

Я, Кравцова Марина Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, независимый исследователь подтверждаю свое согласие выступить официальным оппонентом на защите диссертации А.Б. Старостиной «Мигрирующие сюжеты в китайской прозе VII–XIII веков», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.4 – Фольклористика, и предоставить отзыв в диссертационный совет 24.1.080.01 по филологическим наукам в установленном порядке.

Приложение: Сведения об официальном оппоненте на 2-х листах.

М.Е. Кравцова

22.10.2025

Сведения об официальном оппоненте
по диссертации Старостиной Аглаи Борисовны
«Мигрирующие сюжеты в китайской прозе VII – XIII веков» по специальности
5.9.4. «Фольклористика» на соискание
ученой степени доктора филологических наук

Фамилия, имя, отчество	Кравцова Марина Евгеньевна
Ученая степень (с указанием специальности)	Доктор филологических наук, по специальности 10.01.06 – литература народов Азии и Африки (1994 г., Диссертационный совет Восточного факультета СПб ГУ, Д/д ДК № 001005, 20.01.1995)
Ученое звание	Профессор (ПР № 002074, 18.04.2007)
Должность	Независимый исследователь
Основное место работы	
Полное наименование организации в соответствии с уставом	-
Сокращенное наименование организации в соответствии с уставом	-
Полное наименование структурного подразделения	-
Почтовый индекс, адрес организации, адрес электронной почты	Персональные контактные данные: 195271. СПб, Улица Замшина, 31-3-201., e-mail: kravtsova_sin@mail.ru
Веб-сайт	-
Телефон	+7-921-56-68-957
Список основных публикаций оппонента, составляющего отзыв, за последние 5 лет (не более 15 публикаций)	1. <i>Кравцова М.Е.</i> О научном и переводческом наследии С.А. Торопцева в области классической китайской лирики // Российское китаеведение. 2025. 2 (11). С. 59–88. 2. <i>Кравцова М.Е.</i> Заметки о начальных этапах истории женской поэзии Китая (I тысячелетие до н. э.) // Женщины Китая. Сб. статей памяти Э.А. Синецкой. В 2 т. М.: ИВ РАН, 2024. Т. 1. С. 163–194 3. <i>Кравцова М.Е.</i> О проблемах интерпретации древнекитайского поэтического цикла «Девять песен» («Цзю гэ 九歌») // Петербургское востоковедение: альманах: Festschrift в честь В.М. Рыбакова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2024. С. 178–236. (3,8 а.л.) 5. <i>Кравцова М.Е.</i> Китайские теории «грязной» музыки и поэзии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 1. С. 145–158. 6. <i>Кравцова М.Е.</i> Древнекитайские представления о волшебном дереве Жо (Жому 若木) // Петербургское востоковедение: альманах.

	Юбилейный выпуск. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2022. С. 140–149. 7. Чуские строфы: Избранные произведения в переводах Марины Кравцовой. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2022. -343 с. 8. Стихи о разном. Китайская лирическая поэзия с древности и до VI века в переводах Марины Кравцовой. Серия: Библиотека китайской литературы СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2021. 270 с. 9. <i>Кравцова М. Е.</i> «Пропавшая драгоценность»: о песенно-фольклорных истоках чуских строф (чуцы) // Проблемы литератур Дальнего Востока: избранные материалы IX международной научной конференции / отв. ред. А. А. Родионов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2021. С. 235–243. 10. <i>Кравцова М. Е.</i> Читая Тянь вэнь: интерпретации поэмы // Общество и государство в Китае. Т. L. Часть 1. (Ученые записки Отдела Китая. Вып. 35) М.: Институт Востоковедения РАН, 2020. С. 303–328. 11. <i>Кравцова М. Е.</i> Читая Тянь вэнь: введение в изучение поэмы // Общество и государство в Китае. Т. L. Часть 1. (Ученые записки Отдела Китая. Вып. 35) М.: Институт Востоковедения РАН, 2020. С. 276–302. 12. <i>Кравцова М. Е.</i> О собраниях чуских строф III—X вв. // Письменные памятники Востока. 2020. Т. 17. №. 3 (вып. 42). С. 25–33. 13. <i>Кравцова М. Е.</i> О собраниях чуских строф: «Чу цы чжанцзюй» Ван И (II в.) // Письменные памятники Востока. 2020. Т. 17. №. 1 (вып. 40). С. 56–66. 14. <i>М. Е. Кэлифуцова</i> (Кравцова), <i>Чжан Бин.</i> Чжунго вэньхуа гайлунь (Очерк культуры Китая). Пекин: Бэйцзин-дасюэ чубаньшэ (Из-во Пекинского университета), 2020. 375 с.
--	--

Д.ф.н., профессор

М.Е. Кравцова

« 22 » октября 2025 г.